

— Командир, это всё для вас!

Происходящее попросту не укладывалось в голове у Одноглазого Ястреба:

— Почему он решил взорвать космическую станцию? Он что, больной?

— Взорвал и взорвал, зачем так много вопросов? — отозвался Линь Цзинхэн, залезая в мех. — Почему бы вам не поторопиться — или жить надоело?

Одноглазый Ястреб машинально вступил с ним в перепалку:

— Тьфу на тебя! Нет нужды притворяться... Лу Бисин, мелкий ты сукин сын, ты что творишь? Погоди, вот я тебе задам!

Хоть обычно разговорчивость Лу Бисина граничила с болтливостью, его мозг всё же не был пустым складом для хранения всякой всячины, а потому он умел расставлять приоритеты [1] куда дальновиднее, чем его немолодой отец. Чудовищный взрыв приближался, пол уже начал дрожать под ногами, а вместе с ним затряслись, будто от страха, и стоящие в ангаре мехи; в такой ситуации у Лу Бисина не было иного выбора, кроме как, совершая преступление против сыновней почтительности, попросту затащить топающего ногами от злости торговца оружием в мех. Оказавшись внутри, они ещё не успели твёрдо встать на ноги, как створка люка автоматически захлопнулась и заблокировалась, система обороны перешла на наивысшее энергопотребление, а лучевая пушка попросту снесла входной шлюз космической станции, освобождая меху путь.

[1] Приоритеты — в оригинале чэньюй 輕重緩急 (qīngzhòng huǎnjí) — в пер. с кит. «лёгкий и тяжёлый, несрочное и срочное», обр. также в знач. «насущность и очерёдность», «степень важности и срочности», «мухи отдельно, котлеты отдельно».

Как правило, на таком маленьком мехе нет возможности установить сверхмощную энергетическую систему, а потому, чтобы вырваться за пределы гравитации, системе требуется как минимум две с половиной минуты предварительного прогрева; однако с целью экономии расхода энергии обычно прибегают к разгону меха на рельсах ангара с помощью внешней силы, тем самым придавая ему необходимое ускорение.

В тот же миг весь окоём объяло пламя — на станции детонировал один заряд за другим, так что на предварительный прогрев попросту не было времени.

Мех вскочил прямиком в колею и, скользя по ней, принялся разгоняться. Прямо за ним рельсы разлетались в клочья, а сотрясаемая серией взрывов космическая станция рушилась всё стремительнее.

Не успев выровнять дыхание, Лу Бисин тут же бросился проверять бешено вращающуюся энергетическую систему:

— Нет, если так и дальше пойдёт, то разгон не завершится, и...

Не успел он договорить, как корпус меха охватила немилосердная дрожь, и космическая станция принялась разламываться и скручиваться изнутри. Сумасшедший вой тревожного сигнала заглушил дальнейшие слова Лу Бисина: колея развалилась окончательно, но мех ещё не успел набрать достаточного ускорения, и теперь искусственная сила тяготения засасывала его обратно в глубь станции!

Обтекаемый корпус меха несколько раз перевернулся, зависнув в пустоте. Его пилот — господин Линь — должно быть, привык летать в одиночку, а потому из-за отсутствия опыта пассажирских перевозок и не подумал предупредить остальных: «Не покидайте своих мест и пристегните ремни!», так что его злосчастные попутчики мигом превратились в подобие носков в барабане стиральной машине — их то и дело швыряло туда-сюда, сбивая в один комок.

Четверо студентов взвыли в унисон, подобно хоровому коллективу, а Одноглазый Ястреб головой врезался в створку люка — судя по выражению его лица, он всерьёз собрался выкопать восемнадцать поколений предков Линь Цзинхэна, чтобы передать им пламенный привет.

— Линь! — воскликнул Лу Бисин, судорожно хватаясь за ремень безопасности.

Внезапно вступившая в дело сила притяжения сменила тональность: гравитационное поле космической станции явно утратило стабильность, а это были очень плохие новости.

— Она вот-вот разлетится вдребезги! — возопил Одноглазый Ястреб. — Линь, можешь ты, в конце концов...

В следующее мгновение космическая станция «Ядовитого гнезда» расцветила тьму Вселенной букетом фейерверков, и безжалостная волна вибрации обрушилась на защитную систему меха. Уровень повреждений защитного энергетического щита превысил восемьдесят процентов, ведь удар пришёлся непосредственно по задней части фюзеляжа.

Сигнал тревоги и вопли пассажиров слились в единый вой, в который вклинилась команда Линь Цзинхэна:

— Избавиться от резервного источника энергии.

Мех тут же отбросил заднюю часть корпуса, подобно отважному мужу, что отрубает руку, укушенную змеей [2], и рванулся вперёд на позаимствованной у него энергетической волне. Наконец набрав достаточное ускорение, он, подобно сбросившему узду дикому степному скакуну, сквозь бушующее пламя устремился напрямик в безбрежные просторы Восьмой

галактики.

[2] Отважный муж отрубает руку, укушенную змеёй — в оригинале чэньюй 斬蛇 (zhuàng shì duàn wàn) — в букв. пер. с кит. «храбрец рассекает запястье», обр. в знач. «предпринять решительные меры, пойти на крайний шаг».

Только тогда Линь Цзинхэн обернулся и, зажимая страдающие от невыносимого шума уши, предусмотрительно спросил:

— Господа, кому требуется противорвотное?

У Уайта так кружилась голова, что он был не в силах подняться на ноги — стоя на четвереньках, он с трудом подавлял рвотные позывы, языком тела красноречиво сообщая, что ему это средство необходимо в первую очередь.

Этот мех изначально был частью небольшой коллекции Линь Цзинхэна на планете Пекин. Он со знанием дела извлёк медицинскую аппаратуру и по очереди затолкал четверых студентов в отсек ухода за больными. По-прежнему валяющегося в обмороке Ноль Ноль Один он привязал к электрическому стулу, после чего задал обратный курс на автопилоте, размял затёкшие плечи и шею и распахнул имеющийся в мехе бар.

Лу Бисин нерешительно приблизился к нему. Не зная, с чего начать, он наконец спросил:

— Хочешь, я открою тебе бутылочку?

Какое-то время Линь Цзинхэн хранил молчание, стоя напротив опустевшего бара.

— Как я посмотрю, мои запасы пришлись тебе по нраву.

Любитель межзвёздной езды в нетрезвом виде Лу Бисин не знал, что на это ответить — ему только и оставалось, что выдать улыбку в восемь сверкающих белизной зубов.

— Даже бутылок мне не оставил, — восхищённо добавил Линь Цзинхэн. — А у вас, молодой господин, недурные зубы.

— Бутылки остались, вон они! — Лу Бисин поспешно поднял руку, указывая на перекочевавшие запасы стеклотары. — Всего лишь утилизация отходов с целью улучшить однообразную экологическую среду меха!

Подняв взгляд, Линь Цзинхэн узрел ряд кружащих над головой прозрачных винных бутылок, заполненных питательной автотрофной средой — теперь в них росла флуоресцентная трава. Уход за подобного рода трансгенными декоративными растениями был крайне прост —

поместите их в закупоренную ёмкость с питательным раствором, и они будут радовать ваш глаз от трёх до пяти лет. Мелкие листики равномерно заполняли плавно покачивающиеся в воздухе бутылки, которые источали зеленоватое свечение, будто эта гниющая трава была светлячками, парящими во мраке ночи позднего лета.

Мерцающий свет от этой «винной стойки» падал на лицо Линь Цзинхэна, словно светофильтр, скрадывающий и осевшую на коже пыль, и кровь на подбородке, и нетерпеливое выражение лица, вновь превращая его в того адмирала, которого много лет назад узрел в альбоме Лу Бисин.

Молодой человек и сам не знал, что замкнуло у него в голове, заставив его бездумно выпалить:

— Командир, это всё для вас!

Осознав, что он только что сказал, Лу Бисин едва не откусил себе язык — он больше не чувствовал себя человеком, ведь чем его поведение отличалось от того, кто занимает цветы для подношения Будде [3] — вот только в его случае он ещё и обчистил сад за домом самого Будды!

[3] Занять цветы для подношения Будде 借花献佛 (jiè huā xiàn fó) — обр. в знач. «сделать подарок за чужой счёт», «передарить полученный подарок», «приписывать себе чужие заслуги», «присваивать чужие права».

К счастью для Лу Бисина, Линь Цзинхэн не стал опускаться до его уровня.

— Весьма высоко ценю вашу любезность, но вынужден отказаться [4], — с каменным лицом бросил он, повернувшись к молодому человеку. — Ведь из-за этой штуки у меня вся макушка зелёная [5], так что попрошу немедленно это убрать — и самому убраться восвояси.

[4] Высоко ценю вашу любезность, но вынужден отказаться — в оригинале 心领 (xīnlǐng) — в пер. с кит. «понять сердцем», вежливая форма отказа от подарка или приглашения.

[5] Вся макушка зелёная — см. примечание к главе 15 о негативном значении зелёной шляпы.

От такого Лу Бисин на миг утратил дар речи.

— Кстати говоря, — продолжил Линь Цзинхэн, прекратив расхаживать по кабине. — Медицинский отсек там. Прежде всего тебе следует извлечь из своего тела этот нелегальный чип.

Расслышав эти слова с другого конца кабины, Одноглазый Ястреб, который был занят тем, что вновь изыскивал повод для ссоры, переменялся в лице:

— Какой ещё чип?

Стоило Лу Бисину услышать эти слова, как он ощутил внезапное онемение под ложечкой, после чего в груди поднялась мощная волна сопротивления — это чувство совершенно не походило на его собственное, в сердце будто пробудился заточённый там чужеземный хищник. «Никто не отнимет у меня мою силу!» — будто воочию взревел он, разгневанный этим предложением.

Линь Цзинхэн смерил его невозмутимым взглядом — и Лу Бисина будто окатило ушатом ледяной воды.

«Я всего лишь заведу академией, — трепеща от страха, подумал он. — К чему мне подобная сила?»

— Ну, тогда я пойду, — рассеянно ответил вслух Лу Бисин, у которого забрезжила смутная догадка, что за опасность кроется в этом чипе, однако, сделав пару шагов, он вспомнил ещё кое о чём: — Но вы двое не вздумайте опять давать волю рукам, а то я этого не потерплю.

В последнее время у Одноглазого Ястреба развилась стойкая аллергия на слово «чип», а потому, не успел Лу Бисин закончить своё наставление, как кипящий от злости почтенный глава семейства безжалостно затолкал его в медотсек.

Линь Цзинхэн проводил их взглядом, заложив руки за спину, и подумал: «Какая сильная привязанность...»

Только что на космической станции у него зародилось смутное предчувствие — иначе как объяснить, почему «Ядовитое гнездо», изначально являвшаяся сектой Восьмой галактики — иначе говоря, весьма умеренным злом — подчинилось действующим за границей галактики космическим пиратам, и к тому же ни один из его членов, как из внутреннего круга, так и из внешнего, не усомнился в подобном союзе?

Со времён древней промышленной революции — да что там, с ещё более древней аграрной революции — люди сумели вырваться из-под гнёта естественного отбора и предались погоне за удовольствиями, тяга к которым записана в их клетках подобно раку. Ещё до основания «Эдема» полувековые дебаты о возможной зависимости от него вылились в образование законодательной системы жёсткой регуляции на протяжении пробного периода эксплуатации. Но к настоящему моменту вопрос о зависимости от «Эдема» превратился в риторический — он стал столь же необходимым условием для выживания, как дыхание, еда и питьё.

Но, в конце концов, «Эдем» всё же находился под строгим контролем — а вот что способен натворить подобный нестандартный чип, страшно было даже подумать...

Существовали ли эти штуки только в пределах Восьмой галактики, или же они незаметно для всех успели просочиться во все уголки Лиги?

Линь Цзинхэн превратил кабину управления меха в комнату отдыха на одного и не спеша опустился в кресло. Чжаньлу хранил молчание, вися на его руке, словно обычное украшение.

В конце концов, сейчас он являл собой не целый мех, а лишь его ядро, к тому же, помогая остановить нацеленный на Лу Бисина энергетический меч защитным экраном, Чжаньлу израсходовал свои ресурсы почти без остатка, так что теперь ему только и оставалось, что медленно подзаряжаться от энергетической системы меха.

А без Чжаньлу Линь Цзинхэн не мог связаться с девятой Серебряной эскадрой.

К счастью, он всё равно не мог пуститься в путешествие по неизвестному маршруту с целой оравой посторонних бездельников, а потому ему в любом случае нужно было сперва вернуть их на Пекин, где они будут в безопасности, так что пока в пробуждении Чжаньлу не было срочной необходимости.

И без того слишком многое успело случиться за один-единственный день.

Линь Цзинхэн смутно чувствовал, что события выскользывают из-под его контроля. Закрыв глаза, он погрузился в духовную сеть меха.

У Бойцового Петуха вход в духовную сеть меха сразу вызвал сотрясение мозга, из-за которого он впал в кому — однако для Линь Цзинхэна, который уже привык к подобной связи, это было всего лишь способом расслабиться.

Пока мех следовал по установленному маршруту, в его духовной сети царило затишье, крохотные волны собирали информацию со всей округи. Следуя за этими нитями духовной сети, сознание Линь Цзинхэна рассеивалось по бескрайним просторам галактики, его сердцебиение постепенно замедлялось.

Он нередко прибегал к подобному способу умиротворения — будто рыба, которая, погрузившись на дно моря, невозмутимо переваривает всё, что попадётся ей на пути.

Линь Цзинхэн ощущал всё происходящее в самых отдалённых уголках меха, но благодаря сниженной громкости шум его не беспокоил.

Он убедился, что из Лу Бисина уже вытащили чип — и в то же мгновение его тело многократно отомстило ему за всё: колено, раздробленное мощным ударом о пол, руки, почти вырванные из плечевых суставов боевиками «Ядовитого гнезда» — весь он с головы до ног представлял собой одну сплошную травму. Над ним, не находя себе места, метался его любящий отец. По счастью, это продлилось недолго: всё-таки это были не более чем внешние повреждения, с которыми безотлагательно справилась медицинская система меха.

В отсеке ухода за больными четверо студентов Лу Бисина один за другим получили уколы от

головокружения. Лекарство не замедлило оказать эффект, так что вскоре те, кто только что был на последнем издыхании, уже весело болтали.

— Пусть даже по возвращении мне придётся написать дюжину контрольных, это того стоило! — хвастался Уайт. — Даже если в будущем я иммигрирую в Седьмую галактику, теперь мне до конца жизни будет что порассказать!

— Не знаю, будут ли нас в будущем делить на факультеты, — вторил ему Бойцовый Петух, — но если будут, я обязательно выберу управление мехами, ведь это просто улёт!

— Ещё немного — и ты бы от него совсем отлетел, — холодно заметила Мята. — Эй ты, ботан, не забудь расплатиться со мной сполна, прежде чем свалишь в свою Седьмую галактику!

— Теперь мы с вами друзья и в жизни, и в смерти, а ты по-прежнему ценишь во мне лишь деньги? — вздохнул Уайт. — К тому же, разве наша академия не платит стипендию? Так зачем вам обоим понадобилось столько денег?

— Мне нужно кормить семью, — помедлив, ответила Мята. — Сама я из приюта. В прошлом году наш директор сбежал, обчистив кассу. Приют развалился, и куча несмышлёнышей остались без средств к существованию. Тут уж ничего не поделаешь. Мы, несколько ребят постарше, посовещались и решили попробовать, не сможем ли мы раздобыть денег, а если не выйдет... если не выйдет, то каждый из нас пойдёт своей дорогой, а эта мелюзга пусть живёт или пропадает, как знает. Я приторговывала кое-чем на чёрном рынке и занималась незаконным модифицированием оружия, но этим много не выручишь. А потом я прослышала, что проектирование мехов — прибыльное дело, вот и решила попытать счастья.

Хуан Цзиншу, которая лежала в отсеке особняком от других, внезапно заговорила:

— Иммиграция ничего не изменит. Сейчас везде одно и то же.

Остальные тут же вспомнили, что у неё пневмоцефалия, а значит, должно быть, её семья входит в число «заблудших душ», которые прибыли из других галактик. Какое-то время никто не осмеливался нарушить наступившую тишину.

— Эй, ботан, — бросила Мята какое-то время спустя, чтобы прервать неловкое молчание. — Ты ж у нас при деньгах? Назови цену, и, когда вернёмся, я напишу за тебя все контрольные.

Слово за слово — и подростки принялись торговаться.

— Когда вернёмся к учёбе...

Линь Цзинхэн не стал слушать дальше. Пройдя сквозь духовную сеть, он скользнул взглядом по упрямому лицу девушки, и ему вспомнилось её имя.

Цзиншу.

— Выйти за Голдена — всё равно что выйти замуж за Административный комитет. Подумай над этим как следует — если ты не хочешь, то всегда можешь сказать «нет». Так или иначе, я ведь ещё не умер.

— Я делаю это по собственному желанию, брат. Да и что плохого в том, чтобы выйти за Административный комитет?

Её «брат» звучало словно «Ваше Превосходительство» или «господин». Говоря это, она не поднимала глаз, взгляд которых застыл на нижней половине лица Линь Цзинхэна. Каждую фразу она предваряла лёгкой улыбкой, на один вопрос неизменно следовал один ответ; казалось, что родной старший брат для неё — посторонний человек.

Линь Цзинхэн всё ещё помнил тот день, когда его забрал Лу Синь — тогда маленькая девочка бежала за автомобилем, пока тот не взмыл в воздух со взлётной колеи. Запрокинув голову, она продолжала глядеть ему вслед, из-за чего споткнулась и упала. Вопящая няня вместе с роботом устремилась к девочке, и они увели её за собой — Линь Цзинхэн так и не увидел, плакала ли она.

Как же давно это было.

Десятки лет спустя образ той девочки почти изгладился из его памяти.

<http://bllate.org/book/17449/1631075>